

Французский ежегодник – 59.

М.: издательство А СССР. 1959. С.104-126.

Подготовлено к веб-публикации редакторами сайта Vive Liberta © 2006

Каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей, известно, какую роль сыграло взятие Бастилии 14 июля 1789 г. в Великой французской буржуазной революции. Но вся предшествующая история знаменитой тюрьмы — одного из оплотов абсолютистского режима во Франции — почти совсем неизвестна не только широким кругам советских читателей, но и специалистам-историкам. Восполнить в какой-то мере этот пробел и является целью данной статьи, содержащей краткий очерк характерных особенностей истории Бастилии и ее штурма, а также судьбы бастильского архива и характеристику бастильского фонда рукописей в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

***

В буржуазной историографии имеется много публикаций, монографий и статей, содержащих большой фактический материал по отдельным вопросам или о некоторых узниках Бастилии. Вся эта литература относится к концу XIX — началу XX в.; новых специальных работ по этой теме давно уже не появлялось. Общая же история тюрьмы нашла свое отражение главным образом в трудах реакционного историка Фенк-Брентано, на которых следует несколько остановиться.

Главный хранитель бастильского архива, редактор и издатель его печатного каталога¹, составитель списка узников Бастилии², автор многих статей и популярной книги, переведенной почти на все европейские языки³, защитник абсолютизма и враг французской буржуазной революции конца XVIII в.⁴, Фенк-Брентано поставил себе задачу «разоблачить» слагавшуюся веками легенду о Бастилии и поставить на ее место строго научную, документированную историю.

Что же представляла собой эта легенда о Бастилии?

Покров глубокой тайны окружал тюрьму и ее порядки. В широкую публику редко что-либо просачивалось из-за ее стен или из министерских кабинетов. При освобождении каждый заключенный давал подписку о неразглашении всего виденного и слышанного во время пребывания в тюрьме. Мемуары, памфлеты о Бастилии, как бы фантастичны и лживы они порой ни бывали, никогда правительством не опровергались. Естественно, что возникло множество легенд и рассказов об ужасах этого застенка, что они передавались из уст в уста. В этих рассказах было очень много преувеличений и фантазий. Но их питало не праздное любопытство и не жадное сенсационное воображение. Эта легенда, творившаяся исподволь многие годы, жила никогда не умирившимися в обществе негодными и протестом против произвола абсолютистского правительства. В ней было зерно истины, которая была хорошо сформулирована еще в XVIII в.: «Бастилией называется крепко построенное, герметически закрытое и тщательно охраняемое здание, куда всякий, без различия положения, возраста и пола, может попасть по неизвестной причине и прожить там неопределенно долго в ожидании освобождения также по неизвестной причине»⁵. Бастилия стала с полным основанием и не только для Франции символом деспотизма и угнетения свободной мысли. В этом факте общественного сознания была заложена огромная революционная сила, которая, помимо прочих оснований, устремила 14 июля 1789 г. народ Парижа на штурм ненавистой тюрьмы.

То обстоятельство, что эта легенда значительно увеличила количество бастильских узников, что она создала галерею страшных призраков и романтически разукрасила вещи и события весьма прозаические, — в этом нет ничего удивительного. Но это совершенно несущественно. Для штурма крепости, для революционной пропаганды и у парижских народных масс и у передовой буржуазии того времени были гораздо более веские причины, чем рассказы о замученных узниках.

Многое из этих рассказов продолжало жить и после того, как от Бастилии не осталось камня на камне. Огромный архив тюрьмы начали приводить в порядок лишь в середине XIX в. Постепенно его документы стали обрисовывать истинное положение вещей. Тогда-то появилась история Бастилии, созданная Фенк-Брентано. Она снабжена научным аппаратом и подкреплена ссылками на подлинные документы. Тем не менее Фенк-Брентано искажает историческую действительность и создает новую, зловещую и ядовитую легенду о Бастилии.

Он основывает ее главным образом на подчеркивании черт, характерных для Бастилии как тюрьмы, находившейся на особом положении, тюрьмы по преимуществу для дворян. «Вы не станете отрицать, сударь, — говорил зрителю-дворянину один из рабочих, разрушавших Бастилию после 14 июля, — что мы не для себя работаем, а для вас. Мы-то никогда Бастилии и не нюхали. Нас пихали в другие тюрьмы». Казна отпускала на содержание в тюрьме высокопоставленных особ и дворян значительные суммы денег, и такие заключенные устраивались в Бастилии зачастую совсем неплохо: обставляли камеры собственной мебелью, выписывали себе книги, брали с собой в тюрьму слугу, иногда даже нескольких. Они были очень разборчивы в пище и одежде, требовали себе хороших вин и тонких блюд. Например, один из них жаловался начальнику полиции, что портной пришил на камзол не подходящие по цвету пуговицы, а также просил купить ему муфту и муслина на манжеты. Такие узники пользовались в тюрьме большой свободой передвижения, обедали вместе с комендантом, иногда даже принимали у себя родных и друзей. Словом, в обществе с господством сословных привилегий дворяне были обеспечены и привилегированным тюремным режимом. «Такое чудовище не заслуживает Бастилии, его следовало бы отправить в Бисетр» (т.е. другую тюрьму), — писал в 1761 г. начальник полиции об одном из заключенных «низкого звания»⁶.

Собрав все эти данные, Фенк-Брентано преподносит их пораженному читателю: смотрите, где же рубища, где издевательства, где несчастные жертвы произвола? Вот Бастилия, настоящая, как она была, как она отражена в подлинных документах, хранящихся под такими-то номерами в Арсенальной библиотеке. Он соглашается признать за заключенными, окруженными заботой и комфортом, право лишь на одну жалобу — о потере свободы.

Распространяя характеристику условий жизни заключенных, верную лишь для небольшого их числа, на всю массу бастильских узников, Фенк-Брентано стремился изобразить Бастилию как некий дом отдыха, где не без приятности проводили время немногочисленные заключенные (5279 человек за 130 лет), вздыхая по утраченной свободе, которая в конце концов им возвещалась устами обязательного и заботливого коменданта.

Во французской историографии такая фальсификация вызвала некоторые возражения. Автор большой и добросовестной работы по истории здания Бастилии, ее администрации и тюремного режима, Бурнон⁷, счел необходимым отметить: «Режим в Бастилии менялся поразительным образом в зависимости не только от эпохи, но и от самих людей. Именно вследствие этого

некоторые писатели, не воссоздав общей картины путем внимательного сличения большого количества текстов, вынесли об этом режиме совершенно неверное представление — иногда слишком благоприятное, а иногда слишком строгое — в зависимости от того, на чей рассказ или даже на какие документы они опирались»⁸. По вопросу о медицинской помощи и о бастильской аптеке он прямо опровергает Фенк-Брентано, указывая на документы, противоречащие злорадному оптимизму последнего⁹. Один из издателей бастильского архива после всяческих комплиментов по адресу Фенк-Брентано все же осмеливается заметить: «Небесполезно вспомнить, что дело касается лишь привилегированных и что многие не пользовались такими благами, несмотря на деятельную заботу, проявлявшуюся тюремной администрацией»¹⁰.

Таким образом, картина бастильского режима, нарисованная Фенк-Брентано, в целом не заслуживает доверия. При использовании же хорошей книги Бурнона следует учитывать, что она писалась в те годы, когда не были еще завершены работы по приведению в порядок бастильского архива. Поэтому в книге порой встречаются неверные даты, неправильно прочтенные имена и т.п.

* * *

Выстроенная в Париже в 1382 г. у Сент-Антуанских ворот, ведших в предместье того же имени, большая восьмибашенная крепость, окруженная рвом, входила в общую систему укреплений города. Она защищала подступы к нему, закрывая Париж со стороны восточной равнины, откуда обычно надвигался неприятель. Господство над этим стратегическим пунктом во время Столетней войны, в эпоху религиозных войн и в период Фронды, оценивалось как господство над всем городом¹¹. В середине XVI в., когда Бастилия была важна именно как крепость, ее комендантом был коннетабль Монморанси, один из самых влиятельных вельмож и полководцев. Но почти с самого же начала Бастилия несла и другую функцию — королевской тюрьмы. Людовик XI держал там в клетках непокорных феодалов. При Генрихе IV, в 1602 г., во дворе тюрьмы был казнен уличенный в государственной измене маршал Бирон. Но Генрих IV больше использовал крепость для хранения в ней золотого запаса, чем в качестве тюрьмы. Комендантом ее состоял сюринтендант финансов Сюлли, он же и начальник всей артиллерии, герцог и пэр Франции. С таким высоким званием не мирились функции тюремщика. При Ришелье Бастилия была заполнена врагами кардинала — аристократами и другими лицами менее высокого ранга.

Окончательно функции Бастилии как тюрьмы определились при Людовике XIV. Но она продолжала называться «королевским замком»; бюджет ее входил составной частью в бюджет всех королевских дворцов: Лувра, Версаля, Марли¹². Это ставило ее в особое положение среди других тюрем.

Если попытаться охарактеризовать понятие государственного преступника, подлежащего заключению в «королевском замке Бастилии», то следует остановиться на двух моментах: 1) под государственным преступником понималось всякое лицо, чем-либо опасное не только для государства и его главы, но и для всякой более или менее видной персоны или семьи; 2) это опасное лицо заключалось в Бастилию не следственными властями или судебными органами, а по королевскому приказу (*lettre de cachet*)¹³, со стандартной формулой: «Господин такой-то (имя коменданта), посылаю вам это письмо, чтобы приказать вам принять в мой замок Бастилию такого-то (имя арестованного) и держать его там впредь до нового моего приказа, а засим, прошу бога, чтобы он сохранил вас, господин такой-то, под своей святой десницей. Дано в Версале (или в другом месте) такого-то числа такого-то года». Затем следовала подпись короля (начертанная не им, а особым секретарем) и собственноручная подпись одного из министров, которая одна и давала законную силу этому документу.

Каков же был состав заключенных Бастилии? Он значительно менялся в зависимости от общих социальных и политических процессов, протекавших во французском обществе XVII—XVIII вв.

Сохранился любопытный список узников Бастилии, составленный в 1642 г. Он содержит 53 имени; для некоторых из них указаны причины заключения. Наряду с заговорщиками и преступниками, «питавшими дурные замыслы против монсеньера кардинала» (т.е. Ришелье), встречаются и другие категории обычных в Бастилии узников: шпионы, фальшивомонетчики, сумасшедшие, дворяне, виновные в краже, убийствах и т. п. Примерно такой же состав имеется и в списке 1661 г.¹⁴ Отметим несколько характерных случаев:

«Г. де Ремюза. Его поместили сюда г. сюринтендант (Фуке) за тысячу всяких мошенничеств в денежных делах. Г. де Клузель, троиченец. Королева-мать (Анна Австрийская) особенно его рекомендовала.

Г. до Малюан, дворянин из Пуату; за дурное поведение и интриги. Г. Пети. Неизвестно за что, разве что, судя по его словам, за разговоры против г. Ратабона».

Если первый и последний из этих узников, обреченных своим арестом немилости высокопоставленных особ, и подходят под данное выше определение государственного преступника, то присутствие в Бастилии троиченца и дворянина-интригана требует пояснений. Это заключенные по семейным *lettres de cachet*.

Бастилия (равно как и некоторые другие крепости, служившие тюрьмами, например, Пьер-Ансиз в Лионе) была наиболее таинственным местом во всем королевстве: люди туда проваливались как в бездну. Самый арест и препровождение в тюрьму обставлялись тайной. Когда привозили нового заключенного, солдаты во дворе тюрьмы должны были отворачиваться или закрывать лицо. Поэтому всякая семья, заинтересованная в чистоте фамильной чести, не видела лучшего способа избавиться от позорящего ее чем-либо родственника, как запрятав его в Бастилию, тем более что пребывание в ней само то себе отнюдь не считалось позором. Для этой цели у министра спрашивался соответствующий приказ об аресте, а когда преступник «исправлялся» при помощи такого наказания или семейный совет решал почему-либо возможным прекратить заключение, новый приказ по ходатайству родственников возвращал узнику свободу. Правда, таких заключенных король не содержал; семья платила за них определенные суммы, и прекращение этих платежей вело к освобождению независимо от желания или нежелания родственников. Знаменитый маркиз де Сад, посаженный по требованию семьи в 1777 г. сперва в Венсенский замок, затем переведенный в Бастилию, не был освобожден 14 июля 1789 г. только потому, что за 10 дней до того его переправили в Шарантон (тюрьму для умалишенных).

Наряду с этими «семейными» преступниками, еще одна категория бастильских узников разбавляла собой, вплоть до революции, состав государственных преступников. Там всегда было много сумасшедших. В этом случае Фенк-Брентано пытается изобразить их всех огульно как заключенных именно вследствие сумасшествия: «Всем известно, какой прогресс наблюдается в XIX в. в деле ухода за умалишенными. Раньше их просто запирали»¹⁶. Справедливость этой фразы отнюдь не должна заслонять тот факт, что большинство этих узников теряло рассудок в самой Бастилии. Иные заболели через несколько лет, как, например, протестантский пастор Бонно, чье дело почти полностью хранится среди документов Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Заключенный в Бастилию в 1700 г. и поставленный в тяжелые условия (см. ниже), Бонно уже в 1705 г. «ослаб рассудком», как гласит заметка одного из офицеров тюрьмы, и вскоре умер¹⁷. Другие держались дольше, как, например Тавернье, освобожденный 14 июля после 30-летнего пребывания в Бастилии (не считая других тюрем). Арестованный сперва по какому-то семейному делу, он

измыслил затем, уже будучи в одной из провинциальных тюрем, заговор Против короля и был переведен в Бастилию. Еще в 1771 г., На двенадцатый год заключения, майор Бастилии Шевалье писал о нем начальнику полиции Сартину: «Вы можете быть спокойны насчет здоровья Тавернье. Я не думаю, чтобы во всей Франции нашелся смертный, который чувствовал бы себя лучше, чем он». Однако в течение 1775 г. сведения становятся иными: «это сумасшедший»... «голова этого заключенного становится все хуже и хуже»... «у этого заключенного мозг чрезвычайно расстроен»... Наконец 6 сентября 1784 г. комендант просит у начальника полиции разрешение на получасовую прогулку для Тавернье: «Я полагаю, что он в ней нуждается; за 25 лет, что он провел в Бастилии, он не выходил из своей камеры» (курсив мой. — А.Л.). На бумаге резолюция начальника полиции: «Согласен». В 1788 г.: «Тавернье и сейчас еще в Бастилии; вероятно, он останется здесь на всю жизнь. Долгое заключение сделало его характер оригинальным и слишком неподходящим для других людей, которые примут его за сумасшедшего. Он начинает дряхлеть»¹⁸. Это последняя пометка на бумагах Тавернье. Когда его освободили 14 июля, он не смог уже воспользоваться свободой: совершенно сумасшедший и больной, он был доставлен в больницу.

Некоторые доходили до буйства, бросаясь на тюремщиков, другим мерещились черти. В один из томов ленинградских документов вплетен лист толстой и грубой оберточной бумаги, на котором расплывшимися чернилами записан безумный бред одного из таких помешанных. Сойдя с ума в тюрьме, они по большей части там же умирали.

На 70-е и 80-е годы XVII в. приходится известное дело об отравлениях. Начавшись очень скромно, с нескольких отдельных преступлений, оно постепенно охватило огромное количество людей вплоть до самых высокопоставленных особ, включая фаворитку короля мадам де Монтеспан. Для разбора дела была создана специальная судебная комиссия и широко применялись пытки, которые исчезли из бастильских стен лишь после 1720 г. Король замаял следствие относительно наиболее скомпрометированных придворных. Всевозможные ворожеи и чародеи не переводились в Бастилию и в дальнейшем, даже в «век просвещения».

Отмена Нантского эдикта и насильственные обращения протестантов в католичество наполнили Бастилию «мнимобращенными» гугенотами¹⁹, а также теми, кто организовал их бегство за границу. Режим для этих многочисленных заключенных был очень суров. Уже упоминавшегося пастора Бонно посадили в самую верхнюю камеру одной из башен²⁰. Даже Фенк-Брентано вынужден признать, что летом там бывала нестерпимая жара, а зимой — не менее нестерпимый холод. Выпрямиться морно было только по мереidine камеры²¹. К этому длинному списку жертв религиозных преследований следует присоединить не менее длинный список ясененистов²².

Вполне понятно, что шпионы бывали частыми гостями в Бастилии, особенно в военное время. Обыкновенно их там держали вплоть до окончания войны, затем высылали за границу или обменивали на схваченных где-либо французских шпионов²³. Любопытный образец такой шпионской деятельности представляет собой хранящаяся в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина рукопись черновиков писем некоего Бона, систематически информировавшего в 1734 г. русского посла в Гааге обо всем, что России было важно знать в первые годы войны за польское наследство. Бона продержали в Бастилии около года и выслали затем из Франции. Иногда шпионов переводили из Бастилии в какие-либо провинциальные крепости.

Большое число заключенных принадлежало к так называемым «seditioneux», т.е. бунтовщикам. Лиц, замешанных в заговорах против короля или министров или хотя бы подозреваемых в этом, неизменно отправляли в Бастилию. Таким способом туда попадали люди из низших слоев: разносчики, кабатчики и т.д., которые при других обстоятельствах были бы «недостойны сидеть в Бастилии». Поскольку основной задачей следствия по таким делам было дознаться о соучастниках, то и обращение с такими «чудовищами» отнюдь не было мягким. В особенности это касалось тех лиц, которые доносили о мнимых заговорах, выдуманных ими самими с целью добиться награды за «раскрытие» преступления. Вот документ по одному из таких дел (письмо министра Поншартрена коменданту Бастилии от 1703 г.):

«Король посылает в Бастилию человека, все преступление которого состоит в том, что он предупредил меня, что имеет сообщить очень важное известие, касающееся короля и государства, которое передать он может лишь самому королю. Я тщетно пытался заставить его рассказать и, несмотря на его уверения, все приводит меня к мысли, что бедность и плохое состояние его дел вынудили его придумать этот ложный донос в надежде на какое-либо вознаграждение. Не нашли ничего лучшего, как отправить его в Бастилию, чтобы там его помучить и тем принудить его все сообщить или признаться в выдумке. Я затрудняюсь определить, какой сорт страдания лучше применить в данном случае, потому что, если вы будете морить его голодом, он сможет повредиться в рассудке»²⁴.

В аналогичном преступлении был повинен и знаменитый Латюд, высидевший в тюрьмах 35 лет и умудрившийся, к великому скандалу, убежать из Бастилии при помощи лестницы, свитой из белья и тряпок. Он отправил по почте маркизе Помпадур ящичек с порошком купороса, а затем сам лично поспешил в Версаль предупредить об этой посылке, отправленной якобы двумя незнакомцами, разговор которых он подслушал. Ложь была вскрыта очень скоро, но Латюд упорно все отрицал и напустил туману насчет заговора против фаворитки. Это был один из тех неуравновешенных узников, которых офицеры Бастилии склонны были определять как «оригинальные головы». Своей неисчерпаемой фантазией и энергией, давшей ему возможность неоднократных бегств из тюрьмы, он доставлял своим тюремщикам немало хлопот. Он тоже неоднократно «ослабевал рассудком».

Издатели, книготорговцы, авторы рукописных газеток никогда не переводились в Бастилию. Всякий, кто так или иначе был причастен к печатанию запрещенных изданий, их доставке из-за границы (главным образом из Голландии) и распространению, имел все шансы познакомиться с этой тюрьмой. В XVIII в. к этим разносчикам оппозиционной заразы присоединились и видные писатели: Вольтер, Мармонтель, Морелле, Лангле дю Френе (одна из рукописей которого осталась в архиве Бастилии и входит в фонд Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина). В вопросе о том, насколько заслуживали заключения в Бастилии эти деятели литературы и науки, Бурнон совершенно правильно возражает Фенк-Брентано, который настаивает на том, что всякий раз причинами арестов были обстоятельства, не связанные с деятельностью этих людей как писателей²⁵. В действительности Бастилия видела их в своих стенах именно потому, что общественный размах их деятельности заставлял правительство применять по отношению к ним такие меры наказания. Вспомним, например, как часто Вольтер маскировался и скрывал свое авторство, изображая себя совершенно непричастным в тех или иных произведениях; призрак Бастилии, где он побывал в 1717 и 1726 гг., не раз должен был вставать перед его глазами.

Бурнон собрал данные, из которых явствует, что формула «причина заключения неизвестна», которая нередко фигурирует в списке узников Бастилии, составленном Фенк-Брентано, не всегда является результатом пропажи документов по делу того или иного заключенного. В свое время подчас и сами министры не знали или не помнили причин ареста. Правда, эти факты относятся еще к XVII в. В 1679 г. военный министр Лувау спрашивал коменданта Бастилии: «Пишу вам, чтобы попросить вас сообщить мне, кто такой Пиа де ла Фоптен, который сидит в Бастилии уже пять лет, и не помните ли вы, за что он был посажен»²⁶.

Остановимся еще на некоторых фактах, чрезвычайно характерных для Бастилии как одного из учреждений старой Франции XVII—XVIII вв. Превращенная в тюрьму крепость уже не нуждалась в комендантах, отмеченных военными доблестями или высоким положением. Военные качества отступали на задний план перед другими, более важными с точки зрения начальника полиции. Полная военная неспособность последнего коменданта Бастилии, Делоне, была общеизвестна. Его поведение 14 июля 1789 г. полностью показало правоту тех, кто накануне взятия тюрьмы требовал его смещения.

Должность коменданта — продажная, как и другие должности бастильского штата²⁷, — была достаточно прибыльной и завидной. В середине XVII в. она стоила 40 тысяч франков. Кроме большого жалованья, комендант — совершенно в духе того времени — получал доходы с соседних лавок и дорожные пошлины с соседнего моста. Но главным источником его обогащения было содержание заключенных. Он получал из казны деньги на содержание определенного числа узников, даже если налицо было меньшее их количество. Если же оно превышало установленную норму, то давались дополнительные средства. В 60-х годах XVIII в. такой нормой было 10—12 человек, и каждый из этих поминальных узников обходился королю в 10 ливров в день. На персон особого высокого ранга полагались экстраординарные ассигнования; так, на содержание кардинала Рогана, арестованного в 1785 г. по делу об ожерелье королевы Марии-Антуанетты, отпускалось дополнительно по 120 ливров в день. В 1698 г. один из министров определял доходы коменданта как «значительные»²⁸, а накануне революции, в 1788 г., комендант удерживал себе, по-видимому, около половины отпускавшихся ему сумм²⁹. Вполне понятно, что эта должность обогащала своих владельцев. «Принимая во внимание все это,— замечает издатель басильских архивов,— комендант был скорее директором гостиницы или перворазрядного буржуазного пансиона»³⁰. Понятно также, что некоторые из заключенных, пользовавшихся всякими милостями со стороны коменданта, не очень-то торопились покидать Бастилию, в особенности если они были приговорены к ссылке. Граф Сегур, арестованный в 1774 г. по делу Дюмуре, упорно не желал уезжать из Бастилии; его не без труда «выжили» оттуда лишь через полтора месяца после подписания приказа об освобождении и высылке.

Для конца XVII в. можно привести еще более любопытный случай. В 1697 г. замешанный в заговоре против короля граф Морло получил свободу после тринадцатилетнего пребывания в Бастилии. Но он, по-видимому, не особенно желал ею воспользоваться: «Надеясь на расположение г. де Помпонн³¹, чтобы провести еще часть зимы в Бастилии па средства короля... он сэкономил на своем содержании 2 тыс. экю вместе с г. Бемо³² и его метрдотелем»³³. Поскольку население тюрьмы никогда не бывало вполне однородным в смысле социального положения, такая постановка дела допускала весьма доходную для коменданта дифференциацию в содержании заключенных. Вот характерный пример: министр двора Поншартрен писал 29 декабря 1693 г. коменданту Бастилии: «Я получил прошение от некоего Делезеля, заключенного в Бастилии, который просит меня освободить его от уплаты 2 экю в месяц за кровать и просит дров и свечей, которых ему не дают вовсе, добавляя еще, что ему не хватает фунта черствого хлеба в день. Я должен вам заметить, что не могу привыкнуть к подобному рода жалобам на жестокость по отношению к заключенным, за которых король платит по 50 су в день. Если их содержат подобным образом, то положение их ничуть не лучше положения заключенных в обыкновенных тюрьмах, где королевский хлеб (pain du roy) стоит 4 су в день»³⁴.

Итак, в тюрьме процветало негласно признававшееся властями казнокрадство, осуществлявшееся главным образом за счет непривилегированных заключенных. С узниками же своего круга комендант, как мы видели, был непрочь и поделить такие доходы. Из подобных фактов и складывается двукликий образ Бастилии: гостеприимно прибыльный для одних и совершенно иной для других.

В связи с этим весьма существенно отметить, что по сравнению с другими тюрьмами Бастилия несомненно обладала рядом преимуществ, как бы ни был в пей строг режим для большинства заключенных. Но причину этого надо искать не в том, что в ней было очень хорошо, а в том, что в других тюрьмах было очень плохо. Выше мы видели, что в конце XVII в. содержание узников в Бастилии стоило в 12 раз дороже, чем в других тюрьмах. Латюд прекрасно почувствовал на себе эту разницу, когда в 1777 г., после Бастилии и Венсеннского замка его поместили в Бисетр (тюрьму для воров).

Последние годы своего существования Бастилия была полупуста. Многочисленные протесты парижского парламента, требования общественного мнения значительно сократили число lettres de cachet, особенно семейных. В 1785 г. в Бастилию поступило 27 заключенных, но половина из них была привлечена по делу об ожерелье королевы, и специальный указ короля превратил для них Бастилию в обыкновенную тюрьму, подчиненную парламенту³⁵. Тринадцать человек, заключенных в Бастилию в 1786 г., были арестованы преимущественно за памфлеты, тайные типографии и т.п. В 1787 г. поступил 21 узник, в 1788 г. — 27, из них 15 в связи со смутами в Бретани; на этих дворян коменданту выдавалось дополнительно по 15 ливров в день на человека³⁶. Для характеристики этого последнего предреволюционного года следует подчеркнуть, что если Бастилия и пустела все больше и больше, если и был даже составлен проект ее срытия и перевода всех узников в Венсенн-ский замок — проект, продиктованный в основном соображениями экономии, — то количество самих арестованных упало не столь уж значительно. Их отправляли не в Бастилию, а в Сен-Лазарскую тюрьму, где в 1788 г. насчитывалось 48 человек³⁷.

В 1789 г. в Бастилию явился лишь один узник, и притом добровольный. Это был Ревельон, владелец фабрики обоев, против которого было направлено восстание сент-антуанских рабочих и безработных, разразившееся 28 апреля. Единственный надежной защитой для него оказалась доживавшая свои последние дни тюрьма — твердыня абсолютизма.

* * *

В весенние месяцы 1789 г., в период нарастания революционного подъема, Бастилия, терявшая свое значение тюрьмы, снова становится крепостью и складом оружия, оплотом королевской власти в Париже. С этой точки зрения и следует подходить к событиям 14 июля. Бастилия заключала в себе, в своих пушках, пороховых складах и т.д. вполне реальную опасность для революции, и парижские рабочие и ремесленники прекрасно это знали. Взятие Бастилии было не только началом революции, но и заключительным актом ее подготовки. Последние два с половиной месяца существования тюрьмы представляют в этом отношении особый интерес.

Анализ апрельского восстания, этого первого громового раската надвигавшейся бури, разразившегося в Сент-Антуанском предместье, в непосредственном соседстве с Бастилией, дает неоспоримые данные для суждения о том, кто являлся его главными участниками. Документы показывают нам истинное лицо тех, для кого у Фенк-Брентано и других реакционных историков не находится иных выражений, как «рычащие банды», «пьяные орды» и т.д. Анализируя длинные списки привлеченных за нищенство в первой половине 1789 г., Руфф подчеркивает, что эти люди всех возрастов — среди которых много женщин,— зарегистрированные в официальных актах полицейских комиссаров, были еще в недавнем прошлом рабочими или ремесленниками, что лишь безработица и крайняя нужда выгнали их на улицу за милостыней³⁸. Они не были бродягами или профессиональными нищими. Почти все имели жильё и привлекались за нищенство впервые. «Эти документы о безработице и нищете чрезвычайно поучительны для исследования того момента, когда народные восстания начинают играть в истории главную роль»³⁹. Именно эти люди составляли основное ядро безоружной толпы, сражавшейся 28 апреля с присланными для усмирения войсками.

Первое революционное выступление парижского рабочего люда потерпело поражение. Сент-Антуанский квартал был оцеплен войсками, и две пушки, заряженные картечью, поставлены у входа в предместье. Правительство расправилось с вожаками восстания еще вполне по-хозяйски: некоторых повесили, других отправили на пожизненную каторгу — на галеры⁴⁰.

Но рабочие учли полученный урок; они убедились в необходимости раздобыть оружие: «В народе говорят, что раз в них стреляют, они тоже раздобудут себе огнестрельное оружие...» — записал один из современников⁴¹.

События конца июня 1789 г. известны достаточно хорошо. Правительство стягивает войска вокруг столицы, хлеба становится все меньше и меньше, растут цены и очереди у лавок. Среди солдат французской гвардии сильное брожение; они недвусмысленно заявляют, что не будут стрелять в народ, и выходят из казарм⁴². Когда в ответ на это несколько солдат было арестовано, 30 июня огромная толпа парижан (состоявшая в основном из рабочих)⁴³ освободила их из тюрьмы. Посланные на усмирение драгуны и гусары братались с толпой: усмирять ее было некому. Парижские народные массы, еще одинокие в своем выступлении 28 апреля, обеспечили себе 30 июня единство с войсками, единство, без которого всякое успешное выступление было невозможным.

Учредительное собрание проявило перед этим совместным выступлением народа и французской гвардии жалкую нерешительность⁴⁴. Не имея мужества, да и желания, открыто вступить за «бунтовщиков», оно призвало народ к порядку и постановило просить короля о даровании виновным прощения. Король медлил, выжидая. Атмосфера накалялась все больше. Наконец, под сильным давлением народных масс, на защиту выступил парижский муниципалитет. На этот раз уже не было ни повешенных, ни приговоренных к каторге: правительство было бессильно применять репрессии.

Но оно продолжало осуществлять приготовления для контрреволюционного удара. Париж был окружен армией в 18—20 тысяч, преимущественно из наемных полков швейцарцев и немцев⁴⁵. Вспомнили и о Бастилии. Интересно отметить, что во время апрельского восстания она не была использована при усмирении, хотя и находилась по соседству с очагом восстания. В связи с этим следует привести отрицательную оценку ее как стратегического пункта, данную в 1788 г. одним из бастильских офицеров, автором проекта ее срытия: «Бояться разрушения Бастилии потому, что она является преградой (retenue) для парижан — такая мысль никому не придет в голову. Самое большее, что Бастилия могла бы сделать, это удержать в порядке Сент-Антуанский квартал. Но как это можно осуществить во время беспорядков, если она окружена домами частных владельцев? Использовать эти дома, значило бы заставить их хозяев примкнуть к восстанию, в котором они иначе, может быть, и не приняли бы участия»⁴⁶. Однако во время событий 30 июня в народе была открыто высказана мысль о необходимости захватить Бастилию, чтобы раздобыть пушки и боевые припасы⁴⁷. Это заставило правительство позаботиться об укреплении крепости. Уже 5 июля главнокомандующий армией маршал Бройль писал из Версаля в Париж: «Два обстоятельства могут вызвать тревогу относительно Бастилии: личность коменданта и качество гарнизона»⁴⁸. Выше уже было отмечено, что военная бездарность коменданта Делоне была общеизвестна; из приведенного письма явствует, что и на гарнизон нельзя было положиться, и боязнь эта оправдалась 14 июля в полной мере. Далее главнокомандующий сообщает о своем намерении сменить коменданта, добавить к гарнизону 30 швейцарцев под командой смелого офицера, обследовать бастильские пушки и приставить к ним артиллеристов. Вечером 11 июля, когда отставка Неккера уже была совершившимся, но еще не опубликованным фактом, Бройль предложил сосредоточить все внимание на четырех пунктах: бирже, казначействе, Бастилии и Доме инвалидов (где находился склад оружия)⁴⁹.

В ночь с 12 на 13 июля в Бастилию был перевезен большой запас пороха⁵⁰. Оружие находилось там еще с конца апреля, а 8 июля были отпущены деньги на ремонт пушек. 7 июля прибыли швейцарцы. Бастилия снова стала мощной крепостью, господствовавшей над самыми революционными районами и предместьями Парижа. Но комендант смещен не был. Командир отряда швейцарцев отмечал впоследствии в своих письмах, что в дни, предшествовавшие взятию Бастилии, Делоне проявил полное неумение подготовить крепость к защите, даже продовольствие не было запасено.

Днем 13 июля народ требовал в ратуше, чтобы ему выдали оружие для защиты столицы от королевских войск⁵¹. Вечером того же дня в караульных Бастилии уже стреляли из прилегающих улиц.

Смена министерства, недвусмысленные действия правительства — все это заставило парижские народные массы взять на себя революционную инициативу. Утром 14 июля в Доме инвалидов было захвачено оружие. После этого народ кинулся к Арсеналу, но там уже не было ни оружия, ни пороха, так как все было перевезено в Бастилию. Бастилия непосредственно соседствует с Арсеналом; вокруг нее скопилась огромная толпа. Но это была крепость и тюрьма — здесь народ встретил сопротивление. Парижские муниципальные власти, испугавшись мощного подъема народного движения, стремились выиграть время и призывали к переговорам с комендантом Бастилии. Они заслужили лишь справедливые обвинения в предательстве и измене. Около полудня начался штурм крепости. Первые приступы были отбиты, преимущество было еще на стороне осажденных. Их артиллерийский и ружейный огонь сеял смерть среди осаждавших. Но раненых и убитых относили в сторону, а на их место вставали все новые и новые бойцы. Все прилегающие улицы были запружены рвавшимся в бой народом. Французские гвардейцы привезли пушки и направили их огонь на крепость.

Фактически Бастилию защищали лишь швейцарцы и тюремные офицеры, так как инвалиды стреляли только под страхом смерти, под дулами наведенных на них ружей швейцарцев⁵². Но как только следовавшие один за другим приступы заставили полковника швейцарцев сосредоточить свою роту в самом уязвимом месте — у ворот, инвалиды вышли из повиновения и стали требовать сдачи крепости, демонстрируя свое единство с восставшим народом. Видя, что гарнизон готов взбунтоваться, комендант сделал отчаянную попытку бросить факел в пороховой погреб и взорвать тюрьму. Ему успели в этом помешать. Не видя иного выхода, он приказал выкинуть белый флаг. Смяв горсточку швейцарцев, народ ворвался в крепость и освободил заключенных. Бастилия пала. Кончилась ее история как тюрьмы и крепости⁵³. Но история ее архива затянута еще более чем на столетие.

***

Архив самой Бастилии был организован лишь в 1660 г., чем объясняется ничтожное число разрозненных документов, сохранившихся да предшествовавший период (232 листа за 1453—1659 гг.). Архив состоял главным образом из материалов следствий и других документов относившихся к заключенным. В нем хранились также документы и рукописные книги, отобранные при аресте и по разным причинам не возвращенные при освобождении или же оставшиеся в тюрьме после смерти узников. Благодаря этому в составе бастильского архива зачастую можно встретить письма и другие документы за годы, предшествовавшие аресту того или иного лица; нередко эти материалы не имеют непосредственного отношения к делу заключенного. Так, например, среди бумаг, отобранных в 1685—1686 гг. у гугенотов, эмигрировавших за границу после отмены Нантского эдикта, есть немалое количество документов (более 4 тыс. листов) по истории гугенотских общин почти всей Франции за 1577—1586 гг.⁵⁴ Кроме того, в архиве хранились вся переписка тюремной администрации с министрами и с учрежденным в 1667 г. Главным управлением полиции, счета, списки караулов и т.д.

Начиная с 1716 г., бастильский архив стал одновременно и архивом Главного управления полиции. Туда систематически передавались документы его одиннадцати отделов, имевших в своем ведении церковные учреждения, «полицию нравов»,

здравоохранение, продовольствие, пути сообщения, надзор за порядком, науки и искусства, рынки, ремесла и мануфактуры, прислугу и рабочих, бедных⁵⁵. На хранение в бастильском архиве отправлялись также донесения полицейских комиссаров и агентов, равно как и материалы, относящиеся к другим парижским тюрьмам (Бисетр, Большой Шатле, Малый Шатле, Фор-Левек, Сен-Лазар, Сеят-Пелажи, Сальпетриер и т.п.). С 1726 г. в бастильский архив начали поступать дела узников Венсеннского замка, ставшего своего рода филиалом Бастилии.

Помимо тюремных и полицейских дел всякого рода, в бастильском архиве хранилось большое количество документов, относившихся к судебным процессам, которые слушались нормальным порядком в Парижском парламенте, Шатле, Арсенальной судебной палате и в других судах. Это объясняется тем, что большинство обвиняемых и привлеченных по этим процессам было заключено в Бастилию. Таким путем дошли до нас в составе бастильского архива многочисленные бумаги процесса сюринтенданта Фуке, дела об отравлениях и т.п. Бывали, однако, и случаи изъятия из бастильского архива некоторых дел (например, дело бретонского парламента, выступившего в 1764 г. против губернатора Бретани герцога д'Эгильона).

Ко всем перечисленным более или менее однотипным материалам систематически добавлялись документы иного рода. Это были личные и семейные архивы бастильских комендантов и офицеров. Полагая, не без основания, что во всем королевстве не было более надежного места для хранения их собственных бумаг, каждый из них считал себя вправе выпросить в помещении архива «один квадратный фут для картона со своими личными бумагами»⁵⁶. Сохранилось более пятидесяти картонов такого рода. Во многих семейных архивах имеются целые серии земельных и имущественных документов, охватывающих большие периоды (50—100 лет) и представляющих немалый интерес в качестве источников по истории социально-экономических отношений во Франции XVIII в.

Подобно бастильским офицерам, король также имел все основания для хранения в своем «замке Бастилии» документов, более всего нуждавшихся в тщательном оберегании вообще и в сокрытии от любопытных глаз в частности. Поэтому некоторая часть бумаг дипломатического, военного и финансового характера отправлялась министрами двора и другими должностными лицами в бастильский архив⁵⁷.

Для архива было выстроено в 1783 г. во дворе тюрьмы специальное помещение. Архив находился в полном порядке, бумаги были разложены по обложкам, снабженным пометками архивистов, работавших там помногу лет. Теперь эти пометки являются подчас ценной заменой пропавших документов. В 1789 г. в помещении архива находились дела лишь до 1776 г. Прочие же (за 1776—1789 гг.), как необходимые для оправок и текущей работы, были сосредоточены в здании тюрьмы. Они подверглись 14 июля почти полному расхищению, чем и объясняется сравнительная скудость бастильских материалов за предреволюционные годы.

***

14 июля 1789 г. бастильский архив пострадал несравненно больше, чем здание тюрьмы. Бумаги были разбросаны по всем помещениям, по двору, выброшены во рвы. Многие из них попали в грязь и в огонь, другие были изорваны. Все желающие прятали их в карманы. Любители, среди которых был замечен Бомарше, умудрялись увозить полные кареты. Один из современников, посетивший Бастилию 15 июля, писал:

«Я наполнил свои карманы разными интересными документами и королевскими приказами об аресте: захватил также толстый реестр поступлений и освобождений узников. Содержание моих набитых карманов я смог вынести, но что касается толстого реестра под мышкой, то у выхода меня попросили его оставить, так как ждали приказа о запрещении уносить из крепости что бы то ни было. Все взятые мною бумаги я тщательно разметил и увез в Лион. Моя мать, после осады Лиона, сожгла их, так как страшно было тогда хранить подписи короля на приказах об аресте»⁵⁸.

Разошедшиеся по рукам бумаги вскоре стали предметом торговли. Известен случай, когда реестр бастильских узников за 1720—1762 г. был продан за 3 ливра⁵⁹. Рассказывали об одном книготорговце, накупившем бастильских бумаг более чем на тысячу ливров. Два тома королевских приказов по Венсенскому замку за 1691—1744 г. были проданы в одном из провинциальных городков, так как у офицера, подобравшего их на бастильском дворе, не нашлось для них места в багаже.

Расхищение бастильских бумаг длилось два дня: 14 и 15 июля. Однако, как мы видели, уже 15-го стали применяться некоторые меры к их охране и затем был получен приказ парижского муниципалитета о запрещении выноса бумаг и каких-либо вещей. 16-го была назначена комиссия для охраны драгоценных «документов невыносимого деспотизма». Когда члены комиссии явились в помещение архива Бастилии, они увидели множество пустых картонов и огромную груды бумаг в полнейшем беспорядке.

Толпы любопытных продолжали наводнять крепость, и 20 июля пришлось закрыть в нее доступ, так как дальнейшее расхищение архива не могло быть полностью предотвращено. Бумаги были перенесены частично в ратушу, частично в Сен-Жерменское аббатство и в монастырь Сен-Луи-ла-Кюльтор. Одновременно с этим были приняты меры к собиранию уже исчезнувших материалов. Депутация граждан отправилась к Бомарше, которому пришлось вернуть оказавшиеся у него бастильские документы. 24 июля парижский муниципалитет обратился ко всем гражданам с призывом вернуть в городскую ратушу расхищенные из Бастилии документы. «Это единственный способ предоставить и настоящему и будущим поколениям драгоценные материалы и образовать национальное хранилище, которое снабдит историю подлинными документами»⁶⁰. Воззвание имело успех, и много бумаг было возвращено.

Не все, однако, на него откликнулись. Владелец объемистой пачки бастильских документов Шарпантье протестовал против требования об их возвращении. Он сразу же приступил к их опубликованию, выпустив в 1789—1790 гг. девять выпусков «Разоблаченной Бастилии» (*La Bastille devoilee*). В предисловии к этому изданию он писал: «Мы не сочли бы свое поведение достойным хорошего гражданина, если бы исполнили пожелание тех, кто хочет сделать из этих бумаг обширное и единое собрание. Мы считаем более искренним проявлением патриотизма публикацию каждого из этих документов. Это издание является единственным способом восстановить картину преступлений самовластного правительства; следовало бы составить на его основе предисловие к Конституции, как это предложил один из представителей нации»⁶¹. Как увидим ниже, Шарпантье отчасти был прав. Изданные им тогда же материалы действительно довели до сведения современников немало подлинных документов, тогда как публикации остальных пришлось ждать еще 75 лет.

Для разборки бастильских бумаг и для их издания была назначена специальная комиссия, но разобраться в огромном количестве совершенно спутанных листов оказалось делом чрезвычайно сложным. Поэтому тот же Шарпантье имел все основания жаловаться на бездействие комиссии: «Бастильский архив только переведен из одной темницы в другую. Покрывающая его ныне пелена так же непроницаема, как и та, что скрывала его от наших взоров, когда он был за тройными запорами в Бастилии... Нельзя так злоупотреблять доверием сограждан»⁶².

В сентябре 1789 г. все бумаги из бастильского архива были сосредоточены в монастыре Сен-Луи, а в 1791 г. архив был передан в помещавшуюся там же городскую библиотеку (*Bibliothèque de la Ville de Paris*), приведен в некоторый порядок и разбит на крупные отделы. Но об издании его говорили уже все меньше и меньше. Прошло время якобинской диктатуры, прошел термидор. О бастильском архиве стали забывать. Последний призыв к его опубликованию раздался в 1797 г., но и он остался без результата. Ни

директории, ни Наполеону, ни тем более Бурбонам не было никакого дела до Бастилии и ее архива. О нем совершенно забыли. Забыли настолько, что огромный фонд, насчитывавший около миллиона листов, потерялся.

Вероятно, в начале 1798 г. он был перенесен из монастыря Сен-Луи-ла-Кюльтюр, где помещались тогда фонды городской библиотеки, в Арсенальную библиотеку⁶³, названную так потому, что она помещалась в здании б. Арсенала. Запрятанные в укромный угол, пыльные бумаги не привлекали внимания. Они приобрели вид бумажного хлама, их так и называли⁶⁴. Сама память о бастильском архиве стала покрываться пылью. Если кто-либо еще пытался до них добраться, ему отвечали, что местопребывание этих бумаг уже неизвестно⁶⁵.

В 1840 г. молодому библиотекарю Арсенальной библиотеки Ф.Равессону посчастливилось случайно вытащить из груды какого-то бумажного хлама один из королевских приказов об аресте с подписью короля. Велико было его изумление: с первого же взгляда он убедился, что нашел сокровище. Администраторы библиотеки, сперва слегка удивленные этой находкой, поощрили работу по разборке архива и предложили Равессону привести его в порядок.

Дело было не из легких и обещало растянуться надолго. Двадцати лет работы едва хватило на то, чтобы разобраться среди невероятного беспорядка, в котором находились бастильские бумаги. От работы бастильских архивистов не осталось и следа, лишь некоторые обложки с разрозненными бумагами еще хранили пометки работников комиссий революционных лет. Нужно было научиться разбирать имена и даты, часто совсем не поддававшиеся чтению⁶⁶. В процессе этой трудоемкой и кропотливой работы злполучным бумагам пришлось претерпеть еще немало. Дважды они были вновь перепутаны вихрем, ворвавшимся в застекленный чердак, где производилась их разборка. При осаде Парижа в 1870 г. их пришлось спешно перенести в другое помещение и после этого переезда начать всю работу почти сначала⁶⁷.

В 1866 г. Равессон выпустил первый том выборочной публикации материалов из архива Бастилии, предпослав ему введение с кратким очерком его истории и истории самой тюрьмы. Ему удалось при жизни довести это издание до 16-го тома включительно⁶⁸. Тома 17—19 выпускал его племянник⁶⁹. Это издание осуществлялось параллельно с работой по разборке самих фондов, которые лишь постепенно приводились в состояние полной ясности. Критика отметила некоторые пропуски и ошибки, а также известную легковесность и непроверенность комментариев. Все же и по сей день издание Равессонов, при всей его неполноте, является единственной обширной публикацией.

Каталог бастильского архива, о котором уже упоминалось, вышел под редакцией Фенк-Брентано в 1892—1894 гг. Его основная задача состоит в оказании помощи исследователю, работающему непосредственно на месте над самими подлинниками. Поэтому большая часть каталога занята указателем имен; сама *те* опись составлена очень суммарно. Комментарии сопровождают лишь особо крупные дела. Описи предпослана подробная и документированная история архива.

Таким образом, лишь к концу XIX в. бастильский архив был вполне приведен в порядок и частично издан. Следует подчеркнуть, что Равессоны публиковали преимущественно документы, относящиеся к бастильским заключенным, а так как архив тюрьмы включал помимо этих дел еще множество материалов, относящихся к другим тюрьмам и т.д., то немалое число документов и до сих пор еще осталось неопубликованным.

Бастильские документы, хранящиеся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, представляют собой самое крупное собрание из числа тех, которые включают бумаги, исчезнувшие из Бастилии 14—15 июля. Составивший его секретарь русского посольства в Париже П.П.Дубровский был страстным и компетентным коллекционером рукописей⁷⁰. Побывал ли он сам в эти дни в Бастилии, набивая, подобно другим, карманы бумагами, ценность и интерес которых прекрасно понимал, или же только поспешил скупить все, что смог достать из имевшихся тогда на руках материалов? Весьма возможно, что им были использованы оба способа. Трудно себе представить, чтобы он в те дни, когда весь Париж интересовался Бастилией, не побывал там, где можно было достать рукописи и притом такие заманчивые, как бастильские. Невозможно также допустить, чтобы он сумел выискать и отобрать в самой Бастилии такие редкостные вещи, как полицейское дело о Вольтере, толстый том мемуаров самого знаменитого из бастильских узников Лютюда или — что его как русского должно было особенно заинтересовать — письма французского резидента в России за 1745 г. и т.д. Вероятнее всего, что все это он скупил позднее.

Судьба бастильского фонда библиотеки имени Салтыкова-Щедрина отчасти схожа с судьбой всего бастильского архива. Первые сведения об интересной коллекции П.П.Дубровского появились в печати в 1806 г., но во Франции они не привлекли тогда никакого внимания: там ничуть не интересовались и своим бастильским фондом. Лишь в середине XIX в. вся коллекция Дубровского попала в поле зрения французских ученых, и они стали систематически работать над ней. Появилась монография, посвященная Вольтеру и полиции, где были использованы хранившиеся в России бастильские документы⁷¹.

Ф.Равессон высказал сожаление, что за недостатком времени и средств он не смог ознакомиться с хранившимися в Петербурге бастильскими документами. «Впрочем, — добавляет он, — я думаю, что они скорее интересны как автографы замечательных людей, чем по существу дел, к которым относятся»⁷². В этом он ошибался, спутав различные части коллекции Дубровского, в которой действительно имеется большое число автографов замечательных людей; однако и они интересны отнюдь не только как автографы.

Бастильские документы привлекали внимание приезжавших в Петербург французских исследователей, но вследствие своей пестроты и разрозненности этот архив, при тогдашнем положении с разбором и изданием всего бастильского фонда в целом, разочаровывал тех, кто с ним знакомился, и они ограничивались лишь несколькими краткими и зачастую неверными замечаниями⁷³. К тому же интересы этих посетителей лежали в другой области; они касались главным образом истории Франции XVI—XVII вв., для чего в Петербурге было множество первоклассных документов. Поэтому французские историки отмечали бастильские бумаги лишь мимоходом. Но с 70-х годов XIX в. в отделе рукописей Публичной библиотеки стал подолгу работать один из проживавших в Петербурге француз Жюль Говен де Траншер⁷⁴, который списал около 14 тыс. страниц рукописей, сосредоточив свое внимание преимущественно на истории Бордо, уроженцем которого он был, на некоторых дипломатических документах XVI—XVII вв. и на любовных похождениях Людовика XIV. Он первый занялся внимательным просмотром бастильских документов. Но так как они не составляли отдельной коллекции среди прочих французских рукописей, хранившихся в библиотеке, а были разбросаны, в зависимости от своего содержания, по отдельным группам, то Траншеру не удалось восстановить всего бастильского фонда Дубровского в полном виде. Не менее трети этих материалов осталась ему вообще неизвестной. Но и те материалы, которые он разбирал, зачастую бывали ему непонятны, казались незначительными. Никаких справочных изданий (каталогов парижского фонда, списка заключенных) у него еще не было, так как все эти издания появились позже. В его распоряжении были лишь первые 8 томов издания Равессона, включавшие дела до 1686 г. Почти ни к одному из петербургских документов он не мог найти ни добавлений, ни объяснений. Он сам признается, что выбор более или менее интересных рукописей из массы «совершенно ненужных» доставил ему много труда.

В результате из бастильского фонда Траншер описал далеко не все, что нашел, а издал и еще того меньше:⁷⁵ принцип отбора материала для печати при полной невозможности обставить его комментариями действовал еще строже. Не всегда возможно установить, по каким соображениям он отбросил тот или иной документ; например, дело протестантского пастора Бонно было им использовано лишь частично. Описанные копии он передал в 1886 г. в Арсенальную библиотеку, где они в количестве 719 листов составляют последний картон бастильского архива (№ 12.727). Личные имена, встречающиеся в этих копиях, вошли в общий указатель имен по всему бастильскому архиву и включены в печатный каталог, составленный Фенк-Брентано. Это дает возможность хотя бы приблизительно установить, что именно было списано Траншером, так как имеющаяся в печатном каталоге опись самого картона очень кратка⁷⁶.

Следовательно, французским исследователям бастильский фонд библиотеки имени Салтыкова-Щедрина известен далеко не полностью, а использован он ими, как и основной архив, лишь в незначительной степени.

Русская дореволюционная историческая наука была знакома лишь с отдельными частями коллекции Дубровского, бастильскими же документами никто не занимался.

При современном положении со справочными изданиями по парижскому бастильскому архиву огромное большинство ленинградских документов может быть точно отнесено к тому или иному узнику, и, при наличии соответствующего комментария, эти документы, даже будучи разрозненными, приобретают свое настоящее место и значение. В тех случаях, когда они представляют собой более или менее законченное целое, их интерес совершенно бесспорен. Таким образом, в том или в другом плане они являются весьма ценными источниками по истории Бастилии.

По своему характеру они распадаются на два раздела: около 600 документов и около 25 рукописных книг.

Документы — приказы об аресте и освобождении (*lettres de cachet*), протоколы допросов, прошения и письма заключенных, донесения полицейских комиссаров, переписка Главного управления полиции с администрацией Бастилии, счета на содержание узников и т.д. — относятся к истории тюрьмы и парижской полиции XVIII в. В этот же раздел входит так называемое «полицейское досье» Вольтера⁷⁷. В 1886 г. Публичная библиотека пополнила свой бастильский фонд еще одним томом переписки Главного управления полиции с администрацией Бастилии за 1774 г. (Фр. Q. IV.180).

Второй раздел состоит из рукописных книг, содержащих произведения преимущественно исторического, литературного и философского характера, отобранные у авторов (или владельцев) при аресте либо «арестованные» сами по себе. Эти материалы интересны для истории французского вольномыслия в XVIII в. В отношении их содержания и авторства анонимных произведений они изучены еще недостаточно. Возможно, что количество их возрастет после того, как будут тщательно просмотрены все французские рукописи из коллекции Дубровского (около 160 названий).

Среди этих произведений следует отметить копии с писем французского резидента в Петербурге д'Альона и французского министра иностранных дел д'Аржансона за 1745—1746 гг.⁷⁸, черновики писем тайного русского агента в Париже Бона к русскому послу в Голландии гр. А.Г. Головкину за 1734 г.⁷⁹, большой том мемуаров Латюда, о котором уже была речь⁸⁰, сочинение Лангле дю Френе «Об европейских государях»⁸¹, два сборника стихов⁸² и литературные произведения бастильских узников Рессагье⁸³, Морсана⁸⁴, Топеп д'Орваля⁸⁵ и других.

При характеристике бастильского фонда, хранящегося в Публичной библиотеке, бросается в глаза, что по содержанию он во многом представляет собой как бы воспроизведение в миниатюре всего бастильского архива в целом. В нем имеются дела (преимущественно части дел) почти всех категорий бастильских узников. Мы встречаемся с людьми, заключенными за участие в восстаниях, сочинение и печатание запрещенных изданий, антиправительственные высказывания, шпионаж, придворные интриги, доносы о вымышленных заговорах, колдовство и т.д. Имеются дела лиц, попавших в Бастилию по семейным *lettres de cachet*, дела преследовавшихся правительством «мнимообращенных» гугенотов, янсенистов, «конвульсионеров» и т.д. Этот перечень дополняется документами из личных архивов узников, перепиской различных полицейских органов, рукописными газетками.

Из материалов о восстаниях наибольший интерес представляет список лиц, задержанных в Париже в 1775 г. в связи с «Мучной войной». Среди документов, относящихся к лицам, задержанным за незаконную вербовку солдат и колонистов для Пруссии и России, следует отметить дело лейтенанта Рольвагена, попавшего в Бастилию в 1766 г. В его бумагах, отобранных при аресте, нашлась докладная записка неизвестного лица, содержащая сведения о наборе в Германии и Голландии колонистов для России; там же дан подсчет количества семей, отправленных в Россию в 1765—1766 гг., и денег, отпущенных на это русским правительством.

В 1772 г. было заключено в Бастилию несколько типографов, адвокатов и других лиц, печатавших и распространявших памфлеты против канцлера Мопу, уничтожившего прежние парламенты и назначившего новые. В рукописном фонде Публичной библиотеки имеются документы, относящиеся к пятерым заключенным по этому делу. В 1774 г. попали в Бастилию шесть «газетчиков» (*gazetiers*), составлявших и распространявших ускользавшие от цензуры рукописные газетки. Они были вскоре освобождены с обязательством прекратить эту свою деятельность. Мы располагаем несколькими документами по их делу и большой пачкой (61) самих рукописных газеток за 1725—1751 гг. Они широко распространялись и обсуждались в парижских салонах и кофейнях. В них содержится разнообразная хроника, преимущественно столичной жизни. Сведения о постановлении королевского совета, внешней политике и судебных процессах перемежаются сообщениями о смерти видных чиновников и придворных (обычно с указанием цены вакантной должности), об эпидемиях и операциях (в том числе операциях рака), о новых спектаклях и книгах; большое место занимают новости из-за границы и из провинций. В распоряжении парижских журналистов имелись также иностранные рукописные газетки, составлявшиеся в Англии, Голландии, Италии, Германии и т.д. на французском языке и касавшиеся международной политики. Хранящиеся в Ленинграде 38 таких газеток относятся к 1750—1751 гг.

К этим материалам примыкают 16 донесений (1728—1747 гг.) начальнику полиции от агентов тайной полиции. Это любопытнейшие сводки разговоров, подслушанных в различных общественных местах. Зачастую в них встречаются весьма нелестные оценки действий правительства, эпиграммы на министров и т. п.

Из дела Латюда (см. выше) и его компаньона по заключению и бегству из Бастилии в 1756 г. Аллегра в Публичной библиотеке имеется пять интересных документов, в том числе несколько листов из печатной книги, на полях которой и между строк Латюд вписал копии своих писем к маркизе Помпадур с красноречивыми просьбами о помиловании.

К знаменитому делу Дюмурье относится 40 документов, но все они (как и парижские) касаются только тюремного режима в Бастилии. Как известно, Дюмурье был в 1760—1770-х годах тайным французским агентом в Польше. Он действовал там по специальному поручению Людовика XV, в обход, а иногда и вопреки официальной французской дипломатии. В 1773 г. он был арестован в Гамбурге и заключен в Бастилию одновременно со своими парижскими друзьями. Дело разбиралось в Королевском Совете, а бумаги по нему были изъяты из бастильского архива и, по-видимому, уничтожены.

¹ F.Funck-Brentano. Catalogue des manuscrits de la Bibliolheque de l'Arsena], t. IX. Archives de la Bastille. Paris, 1892—1894 (далее: Catalogue).

² F.Funck-Brentano. Les lettres de cachet a Paris. Etude suivie d'une liste des plisonniers de la Bastille (1659—1789). Paris, 1903.

³ F.Funck-Brentano. Legendes et archives de la Bastille. Paris, 1900. Русский перевод: Ф. Фенк-Брентано. Бастилия. Ее архивы и легенды. СПб., 1904.

⁴ Других его работ мы здесь не касаемся.

⁵ «Apologie de la Bastille». Kehl, 1784, p.68—69.

⁶ Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson et L.Bavaisson-Mollien, t.XVII, p.272.

⁷ F.Bournon. La Bastille. Paris, 1893.

⁸ Ibid., p.136.

⁹ Ibid., p.153.

¹⁰ Archives de la Bastille, publ. par L.Ravaisson-Mollien, t.XVIII, p.VI.

¹¹ F.Bournon. Op.cit., p.49.

¹² Ibid, p.III.

¹³ Термин lettre de cachet в точном смысле слова означал королевский приказ любого содержания, но по преимуществу за ним утвердилось значение приказа об аресте.

¹⁴ F.Bournon. Op.cit, p.265.

¹⁵ G.B.Depping. Correspondance administrative sous le regne de Louis XIV, t.II. Paris, 1851, p.547—549.

¹⁶ F.Funck-Brentano. Legendes et archives de la Bastille, p.264.

¹⁷ Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.X, p.268.

¹⁸ Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson et L.Ravaisson-Mollien, t.XVII, p.281—282.

¹⁹ F.Bournon. Op.cit., p.119.

²⁰ Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.X, p.254.

²¹ F.Funck-Brentano. Legendes et archives..., p.57.

²² Catalogue, p.534, 621.

²³ F.Bournon. Op.cifю, p.122.

²⁴ G.B.Depping Op.cit., p.755.

²⁵ F.Bournon. Op.cit., p.128.

²⁶ Ibid., p.129.

²⁷ Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.I, p.XXVIII.

²⁸ F.Bournon. Op.cit., p.52.

²⁹ Ibid., p.304 (в проекте открытия Бастилии доказывалось, что на содержание каждого узника вполне достаточно 6 ливров в день, т.е вдвое меньше, чем полагалось по бюджету).

³⁰ Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.I, p.XXVIII.

³¹ Министр иностранных дел.

³² Комендант Бастилии.

³³ «Revue retrospective», t.II, 1890, p.34—35.

³⁴ F.Bournon. Op.cit., p.139.

³⁵ F.Funck-Brentano. Lettres de cachet..., p.413.

³⁶ F.Bournon. Op.cit., p.55.

³⁷ Ibid, p.176.

³⁸ M.Rouff. Le personnel des premieres emeutes de 1789. «Revolution francaise», t.57, 1909, p.213.

³⁹ Ibid., p.224.

⁴⁰ Ibid., p.230.

41 Ibid.

42 M.Rouff. Le peuple ouvrier de Paris aux journées du 30 juin et du 30 août 1789. «*Revolution française*», t.63, 1912, p.434. Любопытно отметить еще раз метод «доказательств» Фенк-Брентано: «...имя французских гвардейцев не должно вводить в заблуждение... полк французской гвардии был в состоянии полной дезорганизации и упадка. Солдаты имели разрешение заниматься в городе каким-нибудь ремеслом, увеличивая этим способом свое жалование. Несомненно, что для большинства из них этим ремеслом было сутенерство. Многочисленные дела солдат французской гвардии, хранящиеся в архиве Бастилии, подтверждают это положение самым определенным образом» («*Legendes et archives...*», стр.259). Но что дает каталог бастильских архивов? Только 45 имен и притом за период 1707— 1764 г., т.е. последнее из дел французских гвардейцев приходится на 1764 г., за 25 лет до революции!

43 M.Rouff. Le peuple ouvrier..., p.444.

44 Ibid., p.447.

45 P.Caron. La tentative de centre-revolution de juin—juillet 1789. «*Revue d'histoire moderne et contemporaine*». t.8, 1906—1907, p.19.

46 F.Bournon. Op.cit., p.304.

47 M.Rouff. Le peuple ouvrier..., p.446.

48 P.Caron. Op.cit., p.26.

49 Ibid., p.28.

50 F.Bournon. Op.cit., p.173.

51 P.Chauvet. 1789. L'insurrection parisienne et la prise de la Bastille. Paris, 1946, p.162.

52 J.Flammermont. La journée du 14 juillet 1789. Paris, 1892, p.LXIII. Это подтверждается показаниями инвалидов («*La Bastille dévoilée*», t.1, p.109).

53 Уже 16 июля парижский муниципалитет принял постановление о разрушении Бастилии, за которое принялись на следующий же день.

54 Catalogue, p.73—75.

55 Ibid., p.17.

56 Ibid., p.VIII.

57 Catalogue, p.IX.

58 Ibid., p.XXXI.

59 Ibid.

60 Ibid., p.XLTII.

61 La Bastille dévoilée, t.1, p.2—3.

62 Ibid., t.6, p.2.

63 Catalogue, p.LXV.

64 Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.I, p.VI.

65 Catalogue, p.XLV.

66 Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.I, p.V—VI.

67 Catalogue, p.LXVII.

68 Archives de la Bastille publ. par F.Ravaisson. Paris. 1866. Последний том (XIX) вышел в 1904 г.

69 L.Ravaisson-Mollien.

70 Т.В.Луизова. Собрание рукописей П.П.Дубровского в Гос.Публичной библиотеке им.М.Е.Салтыкова-Щедрина // «*Вопросы истории*», 1952, № 8.

71 L.A.Leouzou Le Duc. Voltaire et la police. Paris, 1867.

72 Archives de la Bastille, publ. par F.Ravaisson, t.I, p.VI.

73 «Заголовки стоят больше, чем содержание», — замечает Лаферрьер (H. de La Ferriere. Deux années de mission a St.Petersbourg. Paris, 1867, p.217).

⁷⁴ Jules Novyn de Tranchere. Он был поверенным иностранных членов Совета управления Главного общества российских железных дорог и членом-корреспондентом императорского русского исторического общества.

⁷⁵ J.H. de Tranchere. Les dessous de l'histoire, vol.2. Paris—Bordeaux, 1886, p.224—462. Следует подчеркнуть, что вся эта публикация никак не может быть названа научной; наоборот, она носит ярко выраженный отпечаток «просвещенного» дилетантства. Многое, например собственные имена, прочтено неверно; текст документов иногда напечатан не полностью без всяких о том оговорок; пометки на документах, имеющие, как правило, большой интерес, напечатаны далеко не всегда, даты перепутаны. Характеристика документа (автограф, копия и т.д.) отсутствует. Мотивы исключения из публикации того или иного документа скрыты иногда за общей фразой: «il nous a paru inutile de transcrire» (т. II, стр. 287), в то время как действительной причиной зачастую являлось неумение прочесть трудный почерк.

⁷⁶ Кроме того, хранящиеся в Арсенальной библиотеке сделанные Траншером копии весьма несовершенны, как это видно по его публикации.

⁷⁷ Дубровский включил в этот том (авт. № 268) как касающиеся Вольтера документы из бастильского архива, так и его литературные материалы, не связанные с его арестами или с перепиской с начальниками полиции (всего 92 документа).

⁷⁸ Фр. F.IV.119.

⁷⁹ Фр Q.IV.158.

⁸⁰ Фр. Q.IV.48

⁸¹ Фр. Q.IV.157.

⁸² Фр. P.XIV.21; Фр Q. XIV.61.

⁸³ Фр. Q.XVII.37.

⁸⁴ Фр. Q.XVII.39.

⁸⁵ Фр.P.XV.1.

Биографическая справка об авторе работы – **Александре Дмитриевне Люблинской (Стефанович)**:
<http://www.nlr.ru/ar/staff/ljubin.htm>.

На наших сайтах

Пьеса *Р.Роллана* «Четырнадцатое июля» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/14_rml.htm)

Камилл Демулен. Из писем отцу в июне-июле 1789 г. (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#CD)

Бабэф. Письмо жене 25 июля 1789 г. (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#Bf)

Людвиг фон Флю (офицер гарнизона в Бастилии). Письмо брату о событиях 14 июля 1789 г. (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#F)

Эдвард Рибби, англичанин, путешествующий по Франции и оказавшийся свидетелем событий июля 1789 г. Из частной переписки (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#ER)

Иван Матвеевич Симолин. Деша вице-канцлеру графу Остерману - подробное изложение событий 11-17 июля 1789 года в Париже (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/simolin_luk.htm#dep66)

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г. (подборка документов) (http://vive-liberta.narod.ru/doc/NA_jn_89.htm)

«ДВА ЧЕТЫРНАДЦАТЫХ ИЮЛЯ»: ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ, МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_il.htm)

НАЦИОНАЛЬНОЕ (УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ) СОБРАНИЕ: АВГУСТ 1789 г. (подборка документов) (http://vive-liberta.narod.ru/doc/NA_aug_89.htm)

Анатомия литературной республики в досье инспектора парижской полиции - глава из книги *Р.Дарнтон* «Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры» (http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_lit_rep.htm)

З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка (http://enlightment2005.narod.ru/papers/peopl_chek.htm)